

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Публичный интерес, публичная
политика и системная
модернизация общества:
российские проблемы

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ocherki_2011-3.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Публичный интерес, публичная политика
и системная модернизация общества:
русские проблемы**

Круглый стол ИС РАН, Академии политической науки и журнала «Власть»*

Круглый стол под таким заголовком состоялся в Институте социологии РАН (ИС РАН) 18 ноября 2010 года. Его инициаторами и организаторами были Отдел анализа социально-политических процессов ИС РАН, Академия политической науки (АПН) и журнал «Власть». В состоявшемся обмене мнениями, наряду с сотрудниками ИС РАН, приняли участие ученые Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН), Российской академии государственной службы при президенте РФ (РАГС), Института системного анализа (ИСА РАН) и Института государства и права РАН. Ниже приводится краткое изложение точек зрения, высказанных его участниками.

Открывая встречу, руководитель Отдела анализа социально-политических процессов, доктор философских наук Ю.А. Красин отметил, что поставленную на обсуждение тему следует рассматривать как своего рода звено в логической цепи исследований, проводимых представленными научными структурами. Она является важной составной частью исследовательской программы АПН «Модернизация и политическая система в России» и представлена в планах многих исследовательских центров столицы и ряда регионов страны. Большое внимание ей уделяют, в частности, РАГС, гуманитарные институты Российской Академии наук и Российский государственный гуманитарный университет. В Институте социологии она на протяжении ряда лет находится в центре внимания постоянно действующего Круглого стола, организованного Отде-

* Власть. 2011. № 2. Обзор подготовил А.Н. Курюкин

лом анализа социально-политических процессов и исследующего возможности и перспективы инновационного развития России. Этот проект осуществляется при финансовой поддержке Российского государственного гуманитарного фонда (Проект № 10-03-00109а).

Дискуссия началась с обмена мнениями относительно сути современного модернизационного процесса, прежде всего, с точки зрения его программного содержания. По мнению президента АПН, доктора политических наук О.Ф. Шаброва, программа модернизации России на базе инновационного типа развития — это, по существу, заявка на переход России к постиндустриальному обществу. Осуществить эту заявку на практике при характерной для российского общества слабости социальной базы потенциальных инновационных преобразований чрезвычайно трудно. Отсюда острая необходимость наметить и обосновать общее перспективное направление развития нашей страны в сложном и быстро меняющемся современном мире. Этим и определяется направленность и значимость Круглых столов и конференций, посвященных разнообразным аспектам модернизации российского общества.

Главный научный сотрудник ИС РАН, доктор исторических наук А.А. Галкин сделал в своем выступлении упор на том, что модернизация, если не рассматривать ее лишь как текущее обновление основного капитала и производственных технологий, предполагает создание, или, по меньшей мере, совершенствование, совокупности механизмов включения в процессы обновления общества или хотя бы его наиболее активной части. Иными словами, она не должна сводиться к набору импульсов, поступающих сверху. Ей надлежит быть программой развития социума в целом. В противном случае модернизационные усилия, не найдя благоприятной почвы, обернутся серией бесплодных верхушечных импульсов либо приобретут характер разрозненных акций, не меняющих общей ситуации и способных лишь на выполнение чисто репрезентативной роли. Одним из таких механизмов является стимулирование

публичного интереса и его реализация по каналам публичной сферы.

Заведующий сектором Института государства и права, кандидат юридических наук В.В. Смирнов обратил внимание присутствующих на то, как российские власти преподносят идеи модернизации российскому обществу.

Он отметил характерную для этих подходов расплывчатость целей и неясность механизмов, с помощью которых предполагается их достигнуть. По его мнению, в ряде документов необоснованно сделан упор на технологическую и экономическую модернизацию. Она выступает как ее определяющая составляющая, более того — как ее суть. Принципиально важные политическая и правовая модернизации рассматриваются всего лишь как некое вспомогательное средство продвижения к цели, как вынужденная уступка общественному мнению, оппозиции и академическому сообществу.

По мнению главного научного сотрудника ИМЭМО РАН, доктора исторических наук С.П. Перегудова, в обществе растет понимание того, что в нынешнем виде политическая система существовать не может. Это понимает и власть. Поэтому изучение политической системы выдвинулось ныне на передний план. При этом суть дела состоит в том, в каком направлении будут развиваться политическая система.

Ориентация наших либералов: «Давайте сделаем все как на Западе!» — практически не реализуема. Предлагаемая «Единой Россией» альтернатива, которая предусматривает не коренные преобразования, а некоторые мелкие коррективы и устранение «недоработок», также не то, что надо. Требуется реальная альтернатива, принципиальные изменения отношений государства и общества. Президентом Медведевым высказана в этой связи удачная мысль: нам нужна пошаговая всесторонняя модернизация. Правда, он не объяснил — какие шаги нужны, кто и каким именно образом будет их делать? А именно в этом вся проблема.

Ю.А. Красин отметил, что «инновационная модернизация» — объективная потребность становления «постиндустри-

ального общества», базирующегося на «экономике знаний». От того, как будет решена эта задача, зависит будущее России. Об этом говорит Президент. Это все яснее осознает наша интеллектуальная элита. Но этого недостаточно. Нужно, чтобы модернизация стала публичным интересом, чтобы все общество было в ней кровно заинтересовано. Скажем честно. В настоящее время модернизация у нас не осознана как публичный интерес. В обществе доминируют корпоративные, групповые, частные интересы, которые разрывают публичный интерес на части.

Старший научный сотрудник ИС РАН, кандидат политических наук А.Н. Курюкин обратил внимание собравшихся на то, что концепции модернизации или развития существовали в течение многих столетий. Сегодня они обеспечивают парадигмальный фундамент объяснения современной и проектирования будущей конфигурации мира. Поэтому для понимания сути модернизации необходимо вычленить структуру, увязывающую конкретный тип социальных изменений с поведением общественных акторов, которое, в свою очередь, диктуется присущей им мотивацией. Проблема содержания модернизации сегодня — это проблема выбора возможных способов изменения социального мира в зависимости от мотивации акторов.

Большое внимание было уделено вопросу о сути публичной политики и ее состоянию в современной России. Рассматривая данный вопрос, А.А. Галкин указал на необходимость рассматривать становление и развитие публичной сферы в целом. При этом соответствующего внимания заслуживают как преимущественно теоретическая, так и сугубо практическая стороны дела. Остановившись на первой, следует, прежде всего, напомнить, что категории публичный интерес и публичная сфера неразрывно связаны с более широким понятием «обратной связи», введенным в научный оборот создателем кибернетики Винером. Применительно к общественным системам это понятие предполагает, что неотъемлемым условием их существования является сочетание импульсов, поступающих сверху

— от власти, и ответной реакции общества снизу (прямая связь), и наоборот — импульсов, идущих снизу, и реакции на них со стороны власти (связь обратная) Нарушение минимально необходимой гармонии между ними подрывает нормальное функционирование систем, а полный паралич одной из них ведет к их распаду.

Главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор исторических наук К.Г. Холодковский обратил внимание на то, что у нас сегодня существует сильный отрыв власти от общества. И первое, о чем могли бы задуматься инициаторы процесса модернизации, это о том — как преодолеть этот разрыв и заслужить у общества возможный максимум доверия. Д.А. Медведев, судя по всему, думает об этом. Он пытается найти какие-то более прямые пути контактов между властью и обществом. Это, например, Интернет, общественные приемные. Но пока все, что мы видим в этой области, это, скорее, симулякры, а не истинные пути модернизации общества. Это еще не те институты, которые могли бы установить прочные контакты между верхами и низами.

Главный научный сотрудник ИСА РАН, доктор социологических наук В.Н. Якимец изложил аналитические и прикладные результаты двух независимых исследований состояния публичной политики в субъектах Российской Федерации, выполненных с использованием количественного инструментария — ЯН-индекса и ряда качественных методов (анкетирование, экспертные сессии, глубинные интервью, фокус-группы и др.). Эта работа выполнялась с участием ведущего научного сотрудника ИС РАН, доктора социологических наук Л.И. Никовской. Первое системное исследование состояния публичной политики в 2008—2009 годах выполнялось на средства гранта РГНФ в трех регионах России — Краснодарском крае, Курской и Иркутской областях и было сконцентрировано на изучении того, сколь активно используется потенциал публичной политики при решении задач антикризисного управления и снижения уровня социальной напряженности. Второе, более масштабное исследование состояния публичной

политики выполнялось в 2009—2010 годах в 24 регионах России. Оно было ориентировано на оценку роли институтов и субъектов публичной политики в развитии гражданского общества и межсекторных взаимодействий.

Обобщая результаты исследований, В.Н. Якимец сделал вывод, что все три группы — власть, бизнес и общественность — согласованно говорят о плачевном состоянии публичной политики в Российской Федерации (данные на конец 2009 года). Это со всей очевидностью свидетельствует о необходимости более четкой федеральной политики в регионах. Созданный недавно восьмой федеральный округ, по-видимому, шаг в нужном направлении.

Л.И. Никовская дала комплексную характеристику институту публичной политики. Он выступает тем социально-политическим образованием, которое по своей природе призвано служить условием и средством, позволяющим обществу сформировать публичные интересы и ценности, нацеливающие его на реализацию задач системной модернизации, создать внутренние стимулы творческого и инновационного развития, переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их тем самым в элемент социальной динамики.

Остановившись на проблемах нынешней стадии политического развития российского общества, Л.И. Никовская отметила, что оно являет собой особую конфигурацию административно-централизованных методов управления полем политики и спорадической самоактивизации остаточных элементов публичного дискурса. Медиапозиционирование нейтральных или благожелательных правящему режиму «игроков» выдавливает гражданский сектор на периферию политической системы.

Главный научный сотрудник ИС РАН, доктор исторических наук И.С. Яжборовская отметила, что последние 20 лет Россия конструирует пространство публичной политики на слабо диверсифицируемом политическом поле. Насколько эти усилия последовательны и успешны с точки зрения решения назревших задач оптимизации политического и социально-

экономического развития? Посмотрим на эту проблему сквозь призму классической триады «структура — функционирование — развитие».

Структура политического поля обрела новый вид. Это поле занимает уже не автократическое государство-партия, но целый ряд сегментов. Кроме государственных структур на нем обозначили свое присутствие многопартийная система, разнообразные организации гражданского общества, бизнес-структуры, СМИ. Насколько они за 20 лет обеспечили его новое качество, практическую реализацию общественных интересов? Нацелена ли на это как бы обновленная структура государства? Потеряло ли оно автократический характер? По сути дела, лишь в той мере, в какой произошло персонифицированное раздвоение верхушки власти. Ветви же власти только условно можно считать самостоятельными и равноценными.

Исполнительная власть осталась абсолютно доминирующей. Судебная власть независимости не приобрела. Законодательная власть носит сугубо вспомогательный характер по отношению к исполнительной. Партийно-политическая система в лице ныне доминирующей партии власти — «Единой России» (в настоящее время показательно консолидированной и слившейся с самой властью) — ее традиционная бюрократическая составляющая. Другие партии подвергаются все большей маргинализации, не допускаются к принятию и реализации решений, к контролю за их исполнением. Что касается СМИ, то не приходится и говорить об их роли как якобы четвертой власти.

По мнению Ю.А. Красина, для понимания масштаба и сложности формирования публичного интереса ключевое значение имеет понятие публичной сферы, разработанное немецким социальным философом Ю. Хабермасом. По его определению, публичная сфера — это область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение, т. е. арена, форум публичного дискурса по поводу социально-политических проблем жизни общества. В более широком смысле «публичное» в противовес «частному» выступает как сфера реализации при-

сущих любому социуму коммунитарных интересов, т. е. интересов общества в целом. Она включает общественную рефлексию и коммуникации граждан, которые воплощаются в практические действия во имя общего блага. Публичная сфера возникает на перекрестке повседневного «жизненного мира» и мира общественного, гражданского. Она предстает и как форум коллективного поиска гражданами общих целей, средств их достижения, и как область практических воплощений этих целей в систему отношений и институтов, образующих общественный сектор жизни общества.

Публичная сфера российского общества деформирована. В российской социокультурной традиции — это ярко проявилось в большевизме — конфронтация доминирует над согласием. В духе этой конфронтационной традиции в публичном пространстве нынешнего российского общества ощущается острый дефицит культуры толерантности.

Заведующая сектором ИМЭМО РАН, доктор политических наук И.С. Семененко призвала присутствующих обратиться к самому понятию «публичного интереса». В ее видении, в рамках заявленной темы речь идет, скорее, об общественном интересе, вбирающем спектр разнообразных общественно значимых интересов, которые артикулируют группы интересов и представляющие их структуры, а также о репрезентации общественного интереса в публичной политике. Проблемам их артикуляции и собирания посвящено исследование, которое мы (С.П. Перегудов, Н.Ю. Лапина и я) проводили на рубеже 1990-х — 2000-х годов. Результаты опубликованы в монографии «Группы интересов и российское государство» (1999 год).

Государство было и остается центральным субъектом взаимодействия с группами интересов, и это отражает сложившийся в России тип политической культуры. Прошедшее десятилетие закрепило тенденцию агрегирования групповых интересов в структурах государственной власти и переплетения интересов групп политической элиты, бюрократии и бизнеса в центре и в регионах. Нынешний характер продвижения

общественного интереса в публичную политику свидетельствует о крайне слабой обратной связи государства и общества, о слабо артикулированном общественном запросе на последовательную модернизацию.

Участники Круглого стола подняли также вопрос о практических аспектах формирования публичной политики в современной России. Высказываясь на эту тему, А.А. Галкин обратил внимание на необходимость построения системы связи между властью и обществом. Обратная, как и прямая, связь — понятие многослойное. Поступающие от общества импульсы, укрупняя, можно подразделить на материальные и духовные. Первые предполагают непосредственное участие общества (или его представителей) в функционировании административных и иных властных институтах (самоуправление, соучастие в решениях, принимаемых на разных этапах власти). Вторые — определяют содержательное наполнение принимаемых решений, формируя общественное сознание и воздействуя на их реализацию в духе сложившихся взглядов. Публичная сфера и есть та платформа, на которой индивидуальный и групповой интерес, проходя горнило уточнения и апробации, приобретает форму общественного публичного интереса и становится фактором влияния на решения верхов.

Развивая эту мысль, Ю.А. Красин отметил, что успехи и неудачи модернизации общества прямо зависят от того, в какой мере ее концепция, стратегия и способы практической реализации прошли сквозь горнило общественной рефлексии и общественных коммуникаций в публичной сфере. В идеале публичная сфера, где идет диалог разных общественных групп и организаций, где на этой основе формируется публичный интерес, естественно, служит резервуаром исходных данных для государственной политики. По широким и прозрачным каналам эти данные должны поступать в тот самый «черный ящик» политической системы, в котором, согласно представлениям теоретиков политологии, свершается «тайнство» принятия судьбоносных решений.

В реальности такой идеал вряд ли достижим. Но вполне возможно добиться, чтобы таинственный «черный ящик» хотя бы своим донным основанием был погружен в живую среду формирующегося публичного интереса.

В трансформирующемся российском обществе все происходит иначе. Запросы, требования, предложения поступают в «черный ящик» политики напрямую от частных и корпоративных интересов, минуя публичную сферу. Они идут от бизнес-сообществ, от корпораций, в какой-то мере от гражданских организаций, отнюдь не всегда представляющих главные сегменты гражданского общества, от различных кланов государственной бюрократии, нередко коррумпированных и полукриминальных, иногда даже от слегка припудренных групп организованной преступности.

С.П. Перегудов сосредоточил внимание на процессе перехода от реальной партийности 90-х годов к псевдопартийности сегодняшнего дня. Мы пришли к этому не по вине общества. Не потому, что общество деполитизировано или атомизировано, а потому, что государство и власть проводило целенаправленную политику на создание «ручной» партийной системы, которой можно манипулировать и т. д. А если взять социальное неравенство, о котором в Институте социологии много написано и которое сегодня реально мешает решению большого количества проблем, разве оно возникло случайно? Нет, оно возникло благодаря политике государства.

Второй мой тезис, продолжил С.П. Перегудов, заключается в том, что до 2009—2010 года политическая система худо-бедно работала. Вертикаль власти стабилизировала ситуацию, создала атмосферу благополучия и т. д.

Сейчас у нас политика вернулась в общество. И то, о чем здесь говорили, наглядное свидетельствует об этом. Можно привести целый ряд примеров того, как политика возвращается в общество, но возвращается в основном снизу. Другой вариант активности, тот, который государство хотело бы навязать обществу, — активность, им контролируемая. Но она постепенно мельчает и утрачивает влияние. В нынешних усло-

виях главное — посмотреть ростки политической активности снизу.

О практических аспектах осуществления модернизации в современной России говорил здесь К.Г. Холодковский. Он предложил совокупность условий практического осуществления модернизации. Во-первых, осознание частью элиты необходимости перемен. Это условие у нас очевидно существует. Есть такая часть элиты, которая не удовлетворена существующим положением дел и задумывается над тем, что что-то надо изменить. Во-вторых, это наличие политической предпосылки — политической воли, выражаемой лидером, группой элиты или контрэлиты.

Далее, необходимо рассмотреть вопрос об адекватности проекта преобразований возможностям и положению в стране. Здесь необходимо отметить, что мы имеем сегодня целый институт, который думает над этим, я имею в виду ИНСОП. Ведется широкая научная дискуссия о том, какой должна быть программа модернизации. Однако нет самого главного — единства по вопросу о том: что нужно сделать? Тем более нет единства, ни какого-то хотя бы приблизительного представления о том, как это проводить. Важность такой дискуссии не вызывает сомнений. Она является одним из элементов подготовки программы модернизации. Но здесь налицо и большая опасность «забалтывания» возможностей и проектов модернизации.

Важным условием является эффективность главного инструмента проведения реформы. То есть дееспособного, не разъеденного коррупцией аппарата управления. Всем нам ясно качество нашей отечественной бюрократии, которая должна, по представлениям авторов проекта модернизации, стать первым и основным инструментом модернизации, поскольку от бюрократии, действительно, очень многое зависит. Еще одним существенным условием является поддержка перемен хотя бы активным меньшинством общества. Такое меньшинство есть. Это сторонники демократии, сторонники рынка, сторонники политической и экономической конкуренции, дебюрократиза-

ции. Это также значимое меньшинство, которое ощущает необходимость перемен, а следовательно, модернизации.

Главный научный сотрудник ИС РАН, доктор исторических наук Р.Я. Евзеров указал на необходимость создания общественной площадки для обсуждений и выработки проекта модернизации. Рассуждения о связке модернизации и публичной политики подводят к выводу, что для того, чтобы она заработала, необходима иная система государственной власти. Возникает вопрос, может ли она измениться? А если да, то как? Путем минималистской реформистской политики, примером которой может служить предложение нашего Президента ввести в Государственную Думу по одному депутату от партий, которые туда не попали благодаря 7% цензу? Этого недостаточно. Как и реформистской политики вообще.

Возьмем, для примера, нашу судебную систему, от функционирования которой зависят и модернизация, и публичная сфера. Нужны ли там реформистские действия? Безусловно. Но самое главное и неотложное — изменить положение так, чтобы судебная система отвечала за то, что она делает, чтобы она не пыталась игнорировать законы, не попирала их, чтобы никакие органы власти не могли командовать ею, чтобы граждане России ей доверяли, были сопричастны ее решениям, чтобы она была уважаема во всем зарубежье. Для этого необходимы революционно-реформаторские преобразования в сочетании с мягко-реформистскими и эволюционными изменениями.

На взгляд главного научного сотрудника ИС РАН, доктора исторических наук А.Б. Вебера, движущими силами модернизации были и остаются рынок, частный бизнес и государство. Так было в истории вплоть до последнего времени. Если вспомнить о капиталистической промышленной модернизации, о переходе от аграрного к индустриальному обществу, то ее главной движущей силой были буржуазия и государство, которое прокладывало путь и позволяло (или помогало) сформироваться рыночной системе. Итог этим процессам под-

вел Карл Полян, когда в книге «Великая трансформация» констатировал, что общество подчинено рынку.

Сопrotивление модернизации, которое сегодня существует, тоже связано с рыночными аспектами. Оно исходит от сырьевого сектора. Это мощная система, которая организованно ставит модернизации разнообразные препоны. Поэтому, несмотря на все заклинания, несмотря на стратегию 2020, где было четко сказано о необходимости перехода от сырьевого к инновационному типу развития, все равно преобладает (и даже укрепляет свои позиции) сырьевой сектор. И выход из нынешнего кризиса происходит именно за его счет. Обратная сторона этого процесса — сокращение доли обрабатывающей промышленности в ВВП. Импорт готовых иностранных товаров растет, а удельный вес отечественного производства падает. Это тоже ведь проблема публичной политики. Ведь это следствие поведения государства, которое ощущает сильное давление и мирового рынка, и внутренних группировок.

Был также рассмотрен вопрос об объективных проблемах, которые препятствуют эффективному осуществлению модернизации и формированию публичной политики.

Ведущий научный сотрудник ИС РАН, доктор исторических наук И.В. Данилевич обратила внимание на общее место в рассуждениях по поводу публичной политики в современной России. Это поиск недовольных. По ее мнению, основную массу населения составляют у нас не столько недовольные, сколько не верящие. Не верящие ни политикам, ни публичной политике. Это огромный пласт людей, которые не читают газет, не смотрят политические новостные программы и так далее. Вопрос недоверия напрямую уже ставится деятелями культуры, которые пытались заниматься политикой, но разуверились в ней. Сегодня в политике практически нет деятелей культуры. Непонятно — кто будет вырабатывать политическую культуру и прививать ее народу?!

И.С. Семененко, рассматривая эту же сторону дела, обратила внимание на то, что в России жизненно важное условие формирования общественного запроса на модернизацию — на-

личие доверия. Его низкий уровень на разных этажах социальной организации становится серьезным, а порой и непреодолимым препятствием на пути собирания и продвижения социально значимых интересов на уровень политических решений. Размывание доверия усугубляется социокультурными размежеваниями, которые воспроизводятся на каждом новом этапе нашего общественного развития.

Заведующий отделом ИМЭМО РАН, доктор философских наук В.И. Пантин остановился на роли регионов. Дело в том, подчеркнул он, что Россия очень разная. Мы иногда смотрим на нее с точки зрения некоего абстрактного верховного бюрократа, предполагающего, что наша страна одинакова и единообразна. Потому в ней можно безнаказанно повсеместно вводить единую властную вертикаль, и она будет продуктивно работать. На самом деле она неизбежно будет работать плохо. Ведь ситуация в разных регионах, в отдельных больших и малых городах, в поселках и деревнях во многом несопоставима. Можно даже говорить о том, что в некоторых частях российской территории, по сути дела, сложились различающиеся друг от друга региональные политические режимы. С реальным разнообразием социально-политической ситуации в регионах связаны проблемы и особенности формирования общего публичного пространства.

Существуют и некоторые другие общие факторы, затрудняющие формирование публичной политики и публичного интереса. Их, по крайней мере, три, и они хорошо известны. Первый — принципиальная дефектность российской постсоветской партийно-политической системы, причем не только сегодняшней, но и возникшей в 90-е годы прошлого века. Эта дефектность обусловлена отсутствием связи политических партий с населением, с массовой социальной базой.

Второй фактор — коррумпированная и неэффективная бюрократия. Наконец, третий фактор — это разрушение бюрократией и крупным бизнесом ростков самоорганизации и самоуправления снизу. Эти ростки были и есть, но их вытаптывают всеми возможными способами. Отсюда, казалось бы, не-

преодолимые трудности при формировании общественного интереса и пространства публичной политики.

Тем не менее, из любой исторической ситуации есть выход. В ситуации еще незавершившегося кризиса и неизбежных новых кризисных потрясений в России начинают спонтанно возникать социальные и общественные движения, направленные на защиту элементарных прав граждан. Именно там будет происходить в дальнейшем агрегирование и артикуляция интересов. Если политологи будут игнорировать эти ростки и связи, то задача практической выработки и теоретического осмысления публичного интереса останется неразрешимой.

Ведущий научный сотрудник ИС РАН, кандидат исторических наук Ю.П. Мадор счел необходимым подчеркнуть, что и в этой стороне дела есть существенные проблемы. Одна из них заключается в столкновении ментальных и правовых полей, которые несут в себе самые разные народы. Так, 20 лет назад в Европу начали прибывать иммигранты из Ближнего Востока. Они не интегрировались в местное общество, как этого ожидали местные либералы, а сохранили свои исходные социальные и правовые обычаи, которые, как выяснилось, резко противоречили местным установкам и социальным практикам. Это привело к социальной напряженности, которая обернулась рядом жестких столкновений, и обострению терроризма, который сдерживается ныне только силами безопасности.

Из этого, в частности, следует, что одним из центральных вопросов модернизации является установление единого правового поля. Вопрос этот принципиальный. Требуется также продумать систему правовых приоритетов, которая должна быть единой для всей страны, вне зависимости от региональных, национальных или религиозных особенностей.

Научный сотрудник ИС РАН, кандидат исторических наук В.М. Пешкова подчеркнула, что одним из ключевых условий системной модернизации российского общества является уменьшение дифференциации в экономическом развитии регионов страны, уменьшение разобщенности через высвобождение механизмов агломерации и миграции. Доказано, что с мо-

дернизацией тесно взаимосвязаны урбанизация и мобильность. Причем под мобильностью надлежит понимать как движение населения (очень часто из сельских населенных пунктов в города), так и следующую, как правило, за ним социальную мобильность. Нынешние миграционные процессы в России служат также фактором, усиливающим социальную напряженность и в то же время ограничивающим перемещение населения. Последние два года в России наблюдается сокращение миграции как внутренней, так и внешней.

В заключение участники Круглого стола обратились к оценке роли зарубежного опыта как средства повышения эффективности модернизации и формирования публичной политики.

Ведущий научный сотрудник ИС РАН, доктор исторических наук О.И. Величко остановилась на опыте изучаемой ею Австрии. По ее мнению, познание австрийской политической жизни конца XX — начала XXI веков приводит к выводу, что позитивная роль публичной политики в жизни общества и государства возможна лишь в условиях демократии. Этому способствовали некоторые традиции политической жизни страны. Среди них важнейшими были: а) высокая организованность гражданского общества; б) отсутствие национального высокомерия, питающего шовинизм.

Старший научный сотрудник ИС РАН, кандидат исторических наук М.Е. Орлова привела в качестве примера опыт Ирландии. Стране удалось за короткий срок изменить утвердившуюся в связи с утратой традиционных ценностей и ориентиров массовую безучастность и политическую апатию. К концу первого десятилетия XXI века это сказалось на структуре политических предпочтений и всей партийной системе. Это способствовало модернизации институтов политической системы — образовались новые партии, не связанные с идеологическими ценностями прошлого, — либеральные, экологические, левые — с радикальными социальными программами. Успех партий левого крыла на парламентских выборах и выборах в Европарламент 2009 года — убедительно доказатель-

ство эволюции ирландской публичной политики. На фоне массовых протестных выступлений против социальной политики правительства электоральные сдвиги стали свидетельством формирования пространства эффективной оппозиции, готовой представить альтернативные программы «умной политики» с целью продолжения модернизации страны с учетом интересов всех общественных слоев.

Подводя итоги состоявшемуся обсуждению, можно констатировать, что витающая кое-где «в воздухе» идея «отсрочки» инновационной модернизации до той поры, когда политическая система будет демократизирована и в обществе сформируется полноценная публичная сфера, не нашла поддержки. В нынешней обстановке любой вопрос инновационной модернизации сразу же приобретает политический смысл. Это обстоятельство стимулируют общественную рефлексию и, тем самым, способствует демократизации политической системы.